

В ДЕКАБРЬСКОМ номере журнала «Коммунист Украины» опубликована статья критика Ник. Шамоты «О национальной специфике искусства и чувства современности».

Полагая, что поднимаемые Н. Шамотой вопросы представляют общий интерес, мы даем краткое изложение статьи.

«Социалистический реализм, — пишет Н. Шамота, — требует исторической конкретности познания жизни, высоко ценит национальные черты искусства, способствует развитию и обогащению их... Литературы социалистических наций, действительно отличающиеся «лицом необщим выражением», помогают нам лучше понимать и больше уважать друг друга, теснее спланиваться в борьбе за общую цель — за коммунизм...»

Национальное своеобразие литературы определяется развивающейся жизнью народов, поэтому нельзя искать это своеобразие только в старых, установившихся традициях, «необходимо видеть и понимать то новое, чем обогащает их наша действительность и в чем она отражается».

«Буржуазный национализм всегда исходил из той предпосылки, что «национальный дух» будто бы остается неизменным. Националистическая пропаганда рассчитывает при помощи такой «философии» доказать, что социализм не стал и не мог стать никакой частью содержания национальной жизни наших народов, что он чужд им, что он чужд и их искусству, главным содержанием которого остается, по их мнению, все тот же «национальный дух». Понятно, что националистические представления о национальной специфике искусства мало того что не отражают специфики действительности, они превращаются в средство духовного обособления народов, разъединения их усилий в общем жизненном деле».

«...Как с точки зрения общности жизненных интересов, — продолжает Н. Шамота, — так и с точки зрения самой сущности дела недопустимо из всех свойств той или иной нации обособлять, абсолютизировать, тем более делать предметом особого поклонения только те, которых нельзя найти у других наций...»

Своеобразие, особенности национальной культуры чаще всего связывают с особенностями национального характера. Но само определение качества того или иного национального характера редко бывает достаточно полным и

Национальное и современное

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

обстоятельным. Даже искусство, которое в этом отношении обладает, казалось бы, неограниченными возможностями, создав тот или иной тип на национальной почве, вскоре убеждалось, что, например, Дон-Кихоты бывают не только в Испании, Обломовы и Самгины — не только в России, а Гамлеты — не только среди принцев датских. И в этом не его вина: по-видимому, в жизни не существует национальных характеров в таком «чистом виде», чтобы это полностью выключало их из общечеловеческого. В таком сложном и ответственном деле, как характеристика особенностей нации или отдельных лиц как ее представителей, необходимо соблюдать большую осторожность и деликатность».

«...Легкость, с которой у нас иногда «находят» внешние отличительные признаки той или иной национальной культуры, может привести к ложному мнению, будто их также легко и прибавить, и сделать, таким образом, произведение «более национальным»...»

На одном совещании украинских кинематографистов говорилось, между прочим, о том, что некоторые кинокартины, выпускаемые Одесской студией художественных фильмов, лишены национального своеобразия. Товарищи из Одессы недоумевали: что же надо прибавить, чтобы избежать подобных упреков? Жизни надо «прибавить» и больше ничего. Если картины или книги далеки от подлинной жизни по содержанию и эпигонские по форме, — а первое предопределяет второе, — то они непременно окажутся безнациональными, потому что они безжизненные».

Далее Н. Шамота останавливается на некоторых конкретных вопросах, связанных с проблемой национальной специфики искусства. Вот, например, вопрос о «пейзаже»...

«Хорошо, что наши поэты рисуют милые сердцу пейзажи, проявляют любовь к родной природе. Но ведь человек и человеком стал лишь тогда, когда понял, что ему по плечу переделывать природу и что он может заставить ее отдать то, что ему нужно. И чем меньше он остается ее рабом, тем больше становится человеком. «I ти, людино, в себе у ногах побачиш постать гордої природи», — мечтал М. Рыльский. И в создаваемых им пейзажах встает

человек, мудрый, пытливый, много думающий о жизни и любящий жизнь. В поэме А. Твардовского «За далью — даль» действительно открываются перед нами неоглядные дали страны... Но «за далью — даль» — это «за мыслью — мысль», это размышления о жизни, разговоры с людьми, большие человеческие заботы.

О природе пишут у нас многие. Из каждого десятка сборников стихов, особенно молодых поэтов, шесть-семь не только по названию, но и по содержанию — земляные, травяные, лесные, речные и т. д. Плохо, что жизнь отражается в них однобоко. Но самое обидное — предстает в них человек существом слабым, безвольным, какой-то гимназисткой, получившей до того нежное воспитание, что никогда она не скажет: «мотылек», но непременно: «ах, мотылек», не скажет просто: «красиво», но непременно: «ужасно красиво».

...А бывает и так, что поэт до такой степени теряет чувство меры, что в своих увлечениях сельской природой невольно доходит до противопоставления села городу, которого он никак не может обжить своими чувствами. Один поэт во время очередной творческой прогулки набрал на конопля недалеко от Крещатика. Над ними будто бы смеются кичливые канны и флоксы — дети города, чужими их считают здесь, никто их не саял, некому на них и порадоваться. Один лишь поэт радостно их приветствует и защищает от насмешек, потому что они ему «на вышитую сорочку дали свое легонькое полотно». И хотя полотно ткали не обязательно в селе, а вернее всего, в городе, и сорочку шили и вышивали, вероятно, — тоже там, он, знай, твердит свое: где бы я ни был, я этим коноплям поклонюсь в пояс, потому что «це мій край і це — моя земля». Вот и конец аллегории: город может быть местом прогулок и печатания стихов, но не родиной, не «моим краем», «моей землей».

Н. Шамота выступает против абстрактного «национального гуманизма». «...Национальное чувство, любовь к род-

ному краю» — за всем этим надо всегда видеть идейное содержание, идейную позицию того или другого литератора. В связи с этим Н. Шамота критикует методологические принципы статьи О. Бабышкина, посвященной творчеству А. Олеса, безусловно талантливого поэта, который, однако, не принял революции и оказался в эмиграции. О. Бабышкин не вскрыл глубоко идейных причин «добровольного отрыва» А. Олеса от народа.

«Одной из важнейших национальных традиций, — продолжает Н. Шамота, — бережно хранимых и развиваемых украинской советской литературой, является глубокое уважение к культуре других народов, прежде всего русского, с которым украинцы делили все невзгоды прошлого, все трудности борьбы. Коммунистическая партия всемерно поддерживает такие традиции».

«Людьми, которые сообщают громадное историческое дело — строят коммунизм, необходимо самое широкое общение, постоянный обмен опытом. Это стало просто практической необходимостью. Магнитку строили не одни русские, Днепровскую плотину воздвигали не одни украинцы, защищали все это тоже сообща все наши народы. И при этом не нуждались в переводчиках... Усилила и время, затрачиваемые на изучение русского языка, быстро окупаются успехами в общем труде. И когда в коллективе людей разных национальностей разговор ведется на русском языке, это у нас никого не удивляет и ничьих национальных чувств не задает. Русский язык становится как бы вторым родным языком для широких масс советских народов, что ни в какой мере не ущемляет прав коренных национальных языков и создаваемой на их основе культуры».

Вопрос о выборе языка для повседневного общения решается у нас также демократическим путем, и мы решительно осуждаем чьи бы то ни было претензии к гражданам относительно того, на каком языке учатся их дети, на каком языке они сами разговаривают и пишут.

Мы знаем, что, как справедливо сказал Д. Павлычко, «не языки людей на свете поделили...». Но есть у молодого одаренного поэта Д. Павлычко, замечает Н. Шамота, отделилось стро-

ки, где благородное чувство любви к родному языку «искажается ничем не оправданной настороженностью и подозрительностью к другим языкам», где «вопрос о языке решается... не с позиций жизни, единственно верных, а в отрыве от нее, надуманно и потому ошибочно».

«...Важно понять, что национальная форма, поскольку это понятие не исчерпывается национальным языком, выявляет себя не только в том, что отличает искусство одного народа от искусства других народов. Общее между ними тоже не безнационально. Так что, если бы постепенно исчезали какие-нибудь отличительные черты искусства данного народа и возникали бы такие, которые есть и у других народов, то это не значило бы, что такой процесс происходит за счет национальной формы и что тем самым причиняется ей ущерб. Ибо что здесь может исчезать?»

Могут исчезать и постепенно исчезают те отличия в культуре народов, — вслед за исчезновением коренных различий в их экономической, общественной и духовной жизни вообще, — которые возникли и закрепились вследствие обособленности народов, вызванной различными историческими причинами, а также те отличия, которые отражают неравномерность развития народов, тоже вызванную определенными историческими причинами. Но едва ли, скажем, молодая киргизская проза покажет об исчезновении тех своих отличий от русской, которые существовали три десятилетия назад, в пору ее становления, и означали примерно то, что означают различия между начинающим и опытным мастером? В исчезновении таких «особенностей», как каждому понятно, счастье, а не беда народа и его литературы».

«Мы обязаны думать, — заканчивает статью Н. Шамота, — над тем и заботиться о том, чтобы литература и искусство всю свою силу вкладывали в дело коммунизма, помогая воспитывать трудящихся политически, морально, эстетически. Национальное своеобразие художественного творчества важно для нас не само по себе, но лишь потому, что в нем отражается жизнь народов и что оно, поскольку это так, служит делу самого глубокого единения людей на основе взаимного уважения и коммунистического сотрудничества».